

94-09-0000000
Л-88

Б. А. ЛЫКОШИН

ГЕОРГИЙ СЕДОВ

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

В мае 1977 года исполнилось 100 лет со дня рождения Георгия Яковлевича Седова, отважного полярного исследователя, воспитанника Ростовского мореходного училища имени Г. Я. Седова. Эта книга и посвящается его жизни и деятельности. Она написана ныне покойным ветераном флота Б. А. Лыкошиным, многие годы работавшим в Арктике и собиравшим материалы о полярных научных исследованиях.

-
- [Вступление](#)
- [В родном приазовье](#)
- [Моряк, офицер, гидрограф](#)
- [От Колымы до Крестовой губы](#)
- [Полюс зовет](#)
- [В ледовом плену](#)
- [Вперед!.](#)
- [Возвращение](#)
- [Наследники](#)
- [Использованная литература](#)

Б. А. Лыкошин

Георгий Седов

Люди земли донской

Очерк

В подготовке к изданию рукописи автору оказали помощь ветеран Ростовского мореходного училища имени Г. Я. Седова Гончаренко Д. Н. и заведующий музеем того же училища Мамаев Г. Д.

Первооткрыватели на Северном полюсе

Вступление

Туда, где сходятся все меридианы Земли, где север, юг, восток и запад как бы сливаются воедино, а один день и одна ночь составляют год, — к Северному полюсу — люди стремились давным-давно. Но «вершина мира» долго сопротивлялась, и путь к ней тех, кто дерзал проникнуть в неведомый, суровый край, отмечен скорбными холмиками могил.

Во второй половине прошлого столетия и особенно на рубеже двух последних веков походы к Северному полюсу превратились в своеобразные международные гонки: менее чем за 90 лет было около 30 крупных полюсных экспедиций.

Одну из самых волнующих и трагических экспедиций к Северному полюсу предпринял в 1912 году старший лейтенант российского флота Георгий Яковлевич Седов. Выдающийся арктический мореплаватель, горячий патриот своей Родины, он не мог примириться с тем, что Россия, владея гигантским по протяженности побережьем Северного Ледовитого океана, многими его островами, не водрузила на полюсе своего флага.

О жизни Георгия Яковлевича Седова, о его героическом походе и рассказывается в этой книжке.

В родном приазовье

На берегу Таганрогского залива Азовского моря привольно раскинулся хутор Кривая Коса. Здесь, в семье рыбака Якова Евтеевича Седова, 3 мая (Здесь и далее даты даны по новому стилю, кроме особо оговоренных случаев) 1877 года родился мальчик, названный Георгием.

Выходцу из Полтавской губернии, Якову Евтеевичу и его жене Наталье Степановне нелегко было прокормить семью в одиннадцать душ: четырех сыновей — Михаила, Ивана, Василия, Георгия и пятерых дочерей — Меланью, Авдотью, Екатерину, Марию и Анну. Тем более, что ловля рыбы — занятие сезонное. Вот и приходилось отцу семейства брать подряды на пилку леса, за что и получил от хуторян прозвище — Яшка-пильщик. Но и тут заработки оказались грошовыми, и каждый из детей рано испытывал тяготы труда.

Уже с восьми лет Георгий выходил с отцом в море 'на каюке, постигал рыбацкую суровую науку, привыкал к труду и штормам. Отец радовался помощи Георгия и Василия, а Михаила отдал в услужение богатым.

Совместная работа сыновей с отцом продолжалась недолго. Измученный непосильным трудом, Яков Евтеевич запил и ушел из родного хутора. Три года от него не поступало вестей. В доме Седовых поселилась нищета, мать со слезами на глазах вынуждена была надеть на плечи Егорушки и Васи холщовые сумки:

— Идите, родимые, просите милостыню...

Простудившись в скитаниях, умер Вася — друг и защитник Егорушки. Задумался тогда мальчишка: как ему одному ходить по хуторам? Пришлось наняться к зажиточному хуторянину пастухом. Работал лишь за харчи.

...С раннего утра до позднего вечера бродил Егорушка со стадом по прибрежным просторам, любовался морем. Оно властно притягивало к себе взгляд мальчика: то спокойное, зеленовато-голубое, местами покрытое серебряными дорожками, то вдруг становившееся темно-синим, грозным, бушующим. Под грохот волн и мечтал Егорушка о дальних неведомых странах, где вдоволь хлеба и не надо опасаться длинных железных рук хозяина, коров которого он пас.

Домой возвращался поздно, усталым. Его сверстники собирались в центре хутора, предпринимали всевозможные игры, веселились допоздна, а мальчику-пастуху не хотелось никуда идти: изнемогший от бегания за скотом в степи, он после

скудного ужина, полуголодный, укладывался спать, чтобы еще до рассвета снова гнать скотину на пастбище.

В один из таких дней дома Егорушку ждала радость — вернулся отец. Яков Евтеевич до поздней ночи рассказывал о своих скитаниях по побережью Черного моря. Ни в Керчи, ни в Ялте, ни на Тамани ему так и не представилась возможность поступить на работу.

Жизнь в доме Седовых не изменилась к лучшему. Яков Евтеевич опять нанялся на работу к хозяину — ловить рыбу. Трудился он от зари до зари, а в дом приносил мизерный заработок. Дети по-прежнему помогали родителям добывать хлеб насущный. Наравне со всеми работал и Егорушка. Одиннадцати лет он уже умел владеть топором, чинить сети, вязать морские узлы; этому его обучил матрос с большого корабля, ходившего в Африку. Этот матрос рассказал ему много интересного о черных людях, о капитанах кораблей.

В беседах с матросом и зародилась у сына рыбака мечта стать самому капитаном. Но требовалось научиться грамоте. А как это сделать, если отец в школу не пускал? За учебу надо было платить и... немало.

И все же Егорушка сумел и работать, и посещать трехклассную церковноприходскую школу. Он ее окончил с отличием и за два года. Ему страстно хотелось повышать свое образование. Однако в царской России бедному люду с каждым годом жить становилось все тяжелее и тяжелее, а большой семье Седовых не удавалось далее сводить концы с концами. Егор вынужден был прервать учебу и пойти в услужение к местному помещику генералу Иловайскому, затем в контору помещика Фролова. Вскоре его даже назначили приказчиком с годовым окладом восемь рублей.

Родители гордились сыном, оказывавшим им денежную помощь. А Егору не хотелось подчиняться самодуру-помещику, за мизерную плату гнуть на него спину. Он мечтал о плавании в дальние страны. Свой жизненный путь он определил в те дни, когда в Кривой Косе находились моряки шхуны. Ее капитан, заходивший в лавку, рассказывал о мореходных классах в Таганроге и Ростове-на-Дону, в которые принимают тех, кто умеет читать, писать, знает четыре правила арифметики, хорошо успевающих слушателей освобождают от платы за обучение...

Родители категорически возразили против затеи Егора поступить в мореходные классы, пригрозили ему не дать ни паспорта, ни благословения. Вопреки таким грозным отцовским возражениям Егор взял у хозяина расчет, получил до двух с полтиной рублей, забрал из сундука свое метрическое

свидетельство и, ни с кем не попрощавшись, исчез из хутора.

...Георгий Седов медленно ходил по ростовской набережной, внимательно рассматривал грузовой порт. У причалов и на рейде стояли десятки парусников и пароходов. С каждым годом число их увеличивалось, все больше требовалось и грамотных судоводителей.

Поэтому, видимо, заведующий Ростовскими мореходными классами так внимательно и отнесся к его, Егора Седова, просьбе. Экзамен по русскому языку и арифметике, устроенный тут же, заведующего удовлетворил, и он объявил о зачислении Седова в училище, потребовав от него представления осенью свидетельства о плавании на морском торговом флоте в течение трех месяцев.

В радостном настроении Георгий бегал по набережной от одного парохода к другому с настойчивой просьбой принять в команду матросом. Вскоре у него радость померкла, а потом сменилась отчаянием. Всюду говорили, что нет вакансий, да, мол, и такие моряки — лишний балласт.

Почти без надежды обратился Седов к капитану парохода «Труд» Н. П. Муссури. И тот смилостивился — приказал боцману разместить новичка в кубрике.

Для паренька с Кривой Косы наступили дни тяжелой работы. Ему, новичку, приходилось еще и угождать всем — капитану, помощнику, каждому матросу. Тем не менее свои обязанности он выполнял успешно. Через два месяца ему доверили место рулевого. Поздней осенью, когда судно стало на зимовку, Седову вместе с заработанными им рублями вручили хорошую характеристику и рекомендательное письмо к заведующему мореходными классами.

Юноша не знал, чему больше радоваться — целому состоянию, попавшему ему в руки, или возможности учиться. Дома, в Кривой Косе, где о нем не имели вестей больше года, первое письмо Егорушки с вложенным в него фотографическим снимком вызвало некое подобие бури. Местный учитель Степан Степанович, прочитав письмо неграмотной матери Егорушки, заявил, что тот теперь далеко пойдет.

Вечером в хатенку Седовых пришли соседи. Им очень хотелось увидеть на снимке стройного, подтянутого юношу в мундире с якорями, каждый из них желал ему удачи. Родители, гордые своим сыном, тут же решили помочь ему харчами и деньгами.

И такая помощь оказалась своевременной и необходимой. Заработанных на «Труде» денег Георгию едва хватило на экипировку. Оставались считанные рубли на хлеб да на чай. Но

Седов упрямо шел к намеченной цели. В свободное время он подрабатывал в порту. А со второго полугодия ему стало еще легче — за отличные успехи в овладении учебной программой его освободили от платы за обучение.

Такой привилегии Георгий добился исключительным прилежанием в учебе, самоотверженным трудом. Ведь программа мореходных классов была весьма обширной и чрезвычайно уплотненной. Например, материал по математике, изучаемый в гимназии пять-шесть лет, здесь требовалось усвоить за год.

Весной Седова без экзаменов перевели во второй класс и досрочно отпустили в плавание. Теперь он стал на все том же «Труде» совсем другим человеком — рулевым с окладом 28 рублей в месяц. За лето скопил порядочную сумму денег и часть из них отослал домой.

О своей семье Георгий никогда не забывал, старался ей помочь при первой же возможности. После окончания второй навигации он привез с собой в Ростов сестренку Марусю и определил ее ученицей в модную швейную мастерскую. По-прежнему заботливо относился к матери, регулярно писал ей письма, высылал сэкономленные деньги.

Следующую навигацию на пароходе «Труд» Седов проводил вторым помощником капитана. В конце зимней учебы в марте 1898 года он сдал экзамен на штурмана каботажного плавания и тогда же решил получить диплом штурмана дальнего плавания. Ему удалось достичь и этой цели: 14 марта 1899 года в Поти успешно сдал экзамен. Вскоре Георгий стал помощником капитана, затем и капитаном грузового корабля на Черном море. Одновременно он готовился к сдаче экзамена на прапорщика военного флота и выдержал этот экзамен в 1900 году. А еще через год ему удалось выдержать испытание по программе полного курса морского корпуса. После этого его в чине поручика прикомандировали к Главному гидрографическому управлению.

Моряк, офицер, гидрограф

Г. Я. Седов оказался в распоряжении капитана второго ранга А. И. Варнека, который занимался организацией экспедиций в Северный Ледовитый океан.

Любопытно, что некоторые сотрудники этого ведомства под большим секретом рассказывали друг другу о причине образования ведомства: мол, норвежцы виноваты. Дело в том, что с норвежской стороны в те годы действительно угрожала опасность захвата огромных Новоземельских островов, открытых русскими еще в древнейшие времена. Поэтому-то царские чиновники и всполошились. По настоянию Министерства иностранных дел гидрографическое управление в 1901 году стало готовиться к обстоятельному исследованию Новой Земли и Карского моря, в частности, организовало гидрографическую экспедицию на судне «Пахтусов». Ей вменялось в обязанность также и задерживать в территориальных водах иностранные суда. В эту экспедицию был назначен и поручик по адмиралтейству Г. Я. Седов.

С началом навигации 1902 года «Пахтусов» вышел в устье реки Кары для проведения гидрографических работ: ставились мореходные знаки. Во время экспедиции многие члены экипажа проявили исключительную выдержку, мужество, отвагу. Так, начальник экспедиции писал о Седове, что тот смел до безумия, а сам поручик только посмеивался, вспоминая различного рода передражки, в которые ему то и дело доводилось попадать...

От устья Кары «Пахтусов» направился к Новоземельским островам, где гидрографы, начиная с Карских Ворот и следуя дальше вдоль побережья, промеряли глубины, искали удобные фарватеры, якорные стоянки.

Суровая и величественная природа Севера зачаровала Седова. Он решил, что здесь на Севере, его место активной деятельности. Уже тогда у него созрела мечта о походе к Северному полюсу.

Весной 1903 года Седова назначили помощником начальника экспедиции. Забот у него прибавилось, а он лишь радовался, говорил сослуживцам: «Пригодится!»

Первую половину лета судно курсировало у побережья поблизости от Мурманска, где проводились обычные работы по картографированию берегов. Когда «Пахтусов» зашел в Архангельск, там, у причала, стоял американский корабль: его готовили в экспедицию к Северному полюсу, им командовал капитан Фиала. (Экспедиция финансировалась американским миллионером Циглером).

Седову представилась возможность побывать на этом корабле, поговорить с капитаном. Фиала показал ему корабельное оборудование, снаряжение; в разговоре небрежно сказал, что снаряжение экспедиции обошлось Циглеру в полмиллиона долларов, но миллионер не поскупился ради покорения полюса американцами.

Г. Я. Седова тогда сильно взволновало то, что иностранцы, а не русские имеют возможность первыми пробиваться к Северному полюсу.

...Экспедиция на «Пахтусове» продолжала работы до октября 1903 года. Все это время Георгия Яковлевича не покидали мысли об организации русской экспедиции к полюсу. Вскоре он выехал в Петербург со своими планами изучения Крайнего Севера. Однако эти планы пришлось отложить, так как в январе 1904 года разразилась русско-японская война.

Седова направили командовать небольшим миноносцем № 48 в Николаевск-на-Амуре. Узнав о гибели русского флота у Цусимы, он стал усиленно работать над тем, что могло содействовать осуществлению атак японских кораблей самодвижущимися минами. Ни один предложенный им проект не был одобрен и поддержан царскими чиновниками.

Как и многие прогрессивные люди страны, Георгий Яковлевич считал царизм повинным в поражении России в войне с Японией, в том, что она оказалась отсталой державой. И все-таки он в то время разработал и активно пропагандировал идею использования Северного морского пути, прежде всего для военного флота. В конце 1906 и начале 1907 годов об этом за его подписью появились статьи «Северный океанский путь» и «Значение Северного океанского пути для России» во владивостокской газете «Уссурийская жизнь».

В этих статьях автор рассказывал об опыте экспедиций на «Пахтусове» и в устье Енисея в 1905 году, доказывал возможность, необходимость изучения, освоения второй половины Северного морского пути — от Енисея до Берингова пролива... «ради отечественного долга перед Родиной и национальной гордости». По его мнению, сначала требовалось организовать небольшую экспедицию из двух отрядов, которые шли бы навстречу друг другу — от устья Енисея и от Берингова пролива. Он при этом убеждал, что «южный путь на восток для нашего флота безнадежен и его приходится заменить северным».

В статьях говорилось и о том, что усиление обороны Дальнего Востока «возможно посредством использования этого пути, сооружения порта на Камчатке. Среди русских моряков, — уверенно утверждал автор, — есть немало таких, которые бросят

все и охотно встанут под почетный флаг полярных экспедиций, принесут свои личные интересы в жертву великому делу своей Родины». Вместе с тем в статье «Значение Северного океанского пути для России» Г. Я. Седов с горечью отмечал: «...правительство остается по-прежнему глухо и немо к этому вопросу, а между тем всевозможные осложнения с великими державами Востока не за горами и громко и прозрачно звучат о новой для нас беде».

Впоследствии некоторые авторы работ о Георгии Яковлевиче Седове писали о его «фанатизме», проявленном позднее в первой русской полярной экспедиции. Нет, не слепой фанатизм, желание добиться поставленной цели вопреки здравому смыслу, а глубокая вера в острую необходимость для Родины изучения и освоения Севера побуждали Георгия Яковлевича на беспримерные подвиги! Он радостно приветствовал решение Морского министерства в 1908 году о сооружении для гидрографических экспедиций в Северный Ледовитый океан двух ледокольных транспортов «Таймыр» и «Вайгач», которые, по его мнению, можно было бы использовать для проведения военных судов.

Это произошло позже, а в 1907 году Седов возвратился в Петербург, подал рапорт в Главное гидрографическое управление с просьбой предоставить ему прежнюю работу, и... почти год он ждал назначения, лишь после назначения смог уехать на юг, на Каспийское море, для проведения там гидрографических работ.

От Колымы до Крестовой губы

В декабре 1908 года Седов возглавил экспедицию, перед которой стояла задача — исследовать устье реки Колымы и подходы к ней с моря. До отправления в путь оставалось всего полтора месяца. Георгий Яковлевич развил кипучую деятельность при подготовке к выезду. Он добился обеспечения экспедиции всем необходимым.

16 марта 1909 года Седов со своим экипажем отправился в дальний путь — до Иркутска — поездом, дальше — на санях. 4 апреля того же года в своем дневнике он сделал первую запись: «Написали письма домой и следуем дальше». (Именно в те дни собачьи упряжки американца Роберта Пири подходили к Северному полюсу).

Позади остался Киренск. В Якутске сделали остановку на кратковременный отдых. Неожиданно стал таять снег. Начальник экспедиции оставил груз на попечение своего помощника Василия Жукова, а сам на оленях продолжил путь. Преодолев Верхоянский хребет, Седов подошел к первому поселку, откуда на свежих оленях в начале мая прибыл в Верхоянск.

Через несколько дней сюда, в Верхоянск, прибыл с караваном лошадей и быков, навьюченных поклажей, Василий Жуков. Теперь экспедиции предстояло пройти 1375 верст по бездорожью. На стоянках Георгий Яковлевич рассказывал местным жителям об исследовании устья реки, чтобы потом из Владивостока могли ходить на Колыму пароходы с мукой, крупой, сахаром, маслом, другими продуктами...

«И жили здесь люди, — записал в дневнике Седов, — в такой первобытности, в такой неисходной нужде, что, не видев, вообразить невозможно...»

В первой декаде июля, едва Колыма освободилась ото льда, два карбаса экспедиции двинулись к Северному Ледовитому океану. На карте Колымы появлялись уточненные очертания ее устья, заливов, контуры баров. Члены экспедиции промеряли фарватер, устанавливали створные знаки. В конце августа на приморском участке они закончили работы. В течение последующего месяца им удалось провести съемку берегов реки от ее дельты до Нижнеколымска.

В конце декабря 1909 года Седов доложил своему начальнику Вилькицкому о результатах экспедиции, о выполнении сложного и трудного задания. Благодаря проделанной работе в 1911 году представилась возможность командам судов совершать рейсы из Владивостока на Колыму.

Георгий Яковлевич неоднократно выступал в гидрографическом управлении, географическом обществе с обстоятельными докладами о проведенных исследованиях на Колыме. 6 апреля 1910 года его избрали действительным членом географического общества, он также получил диплом действительного члена Русского астрономического общества. Российская академия наук выразила Седову благодарность за геологические и палеонтологические коллекции, привезенные с Колымы.

Так сын азовского рыбака стал известным человеком, ученым-исследователем, знакомством с которым теперь гордились даже представители «высшего» замкнутого дворянского петербургского общества. Популярного исследователя наперебой зазывали на различные вечера. На одном из таких вечеров Георгий Яковлевич встретился со своей будущей женой — Верой Валерьяновной Май-Маевской.

Круг его знакомств с научными работниками, видными артистами столицы ширился. Впоследствии при подготовке полюсной экспедиции многие из них, прежде всего Шаляпин, Собинов, Нежданова, окажут Георгию Яковлевичу материальную помощь в осуществлении его похода. А в то время Главное гидрографическое управление поручило ему возглавить экспедицию на Новую Землю. Почти одновременно его обязали подготовить доклад о результатах колымской экспедиции «самому государю-императору». Последнее обстоятельство, естественно, и помешало Седову полностью сосредоточиться на решении главной задачи — обеспечения выхода в Крестовую губу для детального изучения данного района. Дело в том, что на Северном острове Новой Земли в 1910 году создавался первый русский поселок и требовались лоции для капитанов судов, которые стали бы этот поселок обслуживать. Поэтому Седов после получасовой и, как он убедился, бесполезной аудиенции у царя с облегчением вздохнул: самодержец долго не задержал его, не обременил никчемными поручениями.

Перед выходом в море Георгий Яковлевич побывал в родном хуторе. После возвращения из хутора в Петербург в июле 1910 года обвенчался с Верой Валерьяновной в Исаакиевском соборе и вскоре отбыл в Архангельск. Отсюда на пароходе «Ольга» («Великая княгиня Ольга Константиновна») Седов направился в Крестовую губу, где вместе с другими девятью членами экспедиции сразу же приступил к выполнению задания.

В Крестовой губе он и встретился с талантливым исследователем Арктики В. Русановым, которому в 1910 году удалось со своей экспедицией на судне «Дмитрий Солунский»

обойти вокруг Северного острова Новой Земли, Здесь же началась его дружба с пассажиром «Ольги» — художником Н. В. Пинегиным, направляющимся для работы на Новую Землю. Это его, Н. В. Пинегина, Седов потом первым пригласил участвовать в экспедиции на Северный полюс.

Редкие свободные минуты Георгий Яковлевич и Николай Васильевич проводили вместе, беседуя о научных проблемах, о предстоящем походе на полюс. Тогда же Седов рассказал Пинегину о том, что он еще в 1907 году издал за собственный счет брошюру «Право женщины на море»; в ней подробно разъяснялась необходимость предоставления женщинам равного права с мужчинами на получение морского образования. Экземпляр данной брошюры с дарственной надписью автора хранился у художника.

В сентябре экспедиция завершила все порученные ей работы, и члены команды в ожидании парохода перебрались в колонию. В дневнике Седов записал: «30 сентября в губе появилось сало, а местами она покрылась тонким слоем льда... Может появиться у берегов полярный лед и отрезать путь пароходу, которого мы ждем со дня на день. 1 октября я начал вооружать карбасы, чтобы идти на них домой». К радости полярников, на рейде показался заледенелый пароход «Великая княгиня Ольга Константиновна». 4 октября экспедиция покинула Крестовую губу. 7 октября она возвратилась в Архангельск.

Приехав в Петербург, Седов сразу же доложил начальнику управления о результатах проведенных исследований. В скором времени между Архангельском и Крестовой губой началось регулярное пароходное сообщение.

Лишь архангельский губернатор Сосновский недоброжелательно относился к деятельности экспедиции Г. Я. Седова. В октябре 1910 года он послал начальнику Главного гидрографического управления Вилькицкому следующего содержания донос:

«В заключение не могу не довести до Вашего сведения о более чем странном поведении Седова по отношению ко мне 3 июля около 4 часов дня, причем я принял его насколько мог любезно и пригласил на следующий день к себе... От приглашения этого он отказался... Дня через два штабс-капитан Седов участвовал по моему приглашению в заседании участников новоземельской экспедиции, причем дал немало полезных советов и указаний. (Имеется в виду выезд участников для строительства поселка в Крестовой

губе и первых поселенцев поселка, в этой поездке принимал участие и губернатор Сосновский. — Б. Л.). 7 июля, накануне отъезда на Новую Землю, штабс-капитану Седову была передана моя просьба заехать ко мне в течение дня. Просьбы этой он ни в тот, ни в следующий день не исполнил, якобы за недостатком времени, не помешавшим ему, однако, сделать вечером того же дня (7-го числа) сообщение в местном обществе изучения Русского Севера о гидрографической экспедиции к устью реки Колымы...

Поведение штабс-капитана Седова тем более меня удивило, что я привык встречать по отношению к себе самое предупредительное, любезное отношение со стороны всех приезжих и местных чинов Главного гидрографического управления. Сообщая об изложенном на Ваше благоусмотрение, покорнейше просил бы об одном — не присылать больше, если возможно, названного офицера на работы в Архангельскую губернию, пока я нахожусь во главе ее управления» (*Государственный архив Архангельской области (сокращенно ГААО), ф. 1, оп. 8, д. 631, л. 103.*)

К сожалению, «прибрать к своим рукам» мужественного, дерзающего мореплавателя стремился не только губернатор Сосновский, но и другие царские чиновники. Они всячески мешали ему в осуществлении его смелых планов.

Полюс зовет

Весь 1911 год Седов служил в Главном гидрографическом управлении в должности старшего производителя работ. Он занимался в основном приведением в порядок материалов прошлых экспедиций. Во внеслужебное время его беспокоили одни мысли, одни заботы — о подготовке экспедиции к Северному полюсу. И плавание на «Пахтусове», и поход на Колыму, и работа в Крестовой губе не только обогатили опытом и знаниями Георгия Яковлевича, но еще больше укрепили у него веру в успех давно задуманного дерзкого штурма полюса.

Жена — Вера Валерьяновна оказывала ему посильную помощь в его нелегком деле: выборе типа судна, расчетах необходимой мощности и грузоподъемности судна, в комплектовании экипажа...

22 марта 1912 года Седов подал рапорт начальнику Главного гидрографического управления, в котором излагал проект первой русской экспедиции к Северному полюсу. О целях и задачах экспедиции он писал:

«Промысловые и научные интересы Северного Ледовитого океана начали привлекать к себе всеобщее внимание чуть ли не с X столетия. Первыми пионерами были в Северном Ледовитом океане промышленники, устремившиеся туда за богатой добычей морского зверя, а затем и путешественники — с научной целью... Человеческий ум до того был поглощен этой нелегкой задачей, что разрешение ее, несмотря на суровую могилу, которую путешественники по большей части там находили, сделалось сплошным национальным состязанием; здесь, помимо человеческого любопытства, главным руководящим стимулом еще безусловно являлись народная гордость и честь страны. В этом состязании участвовали почти все страны света, включительно до Японии (к Южному полюсу). И только не было русских, а между тем горячие порывы у русских людей к открытию Северного полюса проявлялись еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Амундсен желает во что бы то ни стало оставить честь открытия полюса за Норвегией. Он хочет идти в 1913 году, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг...» (*Царское правительство и полярная экспедиция Г. Я. Седова. «Красный архив», 1938,*

Далее Георгий Яковлевич писал, что

«...экспедиция выходит из Архангельска в Северный Ледовитый океан около 1 июля 1912 года, держит курс к берегам Земли Франца-Иосифа, где и зимует». Планировалось, что после зимовки, в течение которой должны проводиться научные наблюдения, четыре человека с первыми лучами солнца направятся к Северному полюсу. «Экспедиция предполагает вернуться обратно: раннею осенью 1913 года и позднее — летом 1914 года. Программа плавания составлена сообразно средствам в 60–70 тысяч рублей» (*Царское правительство и полярная экспедиция Г. Я. Седова. «Красный архив», 1938, № 3, с. 22–28*)

Седов рассчитывал включить в состав экспедиции 6 научных работников и 8 матросов. Однако он не располагал даже минимальной для этого суммой денег. Несмотря на очевидную ценность исследований приполюсного района Ледовитого океана для решения задач практического мореплавания по Северному морскому пути, правительство фактически отказалось финансировать это предприятие... Хотя Морское министерство вроде бы и содействовало мореплавателю: 27 марта 1912 года Г. Я. Седова из капитанов по адмиралтейству перевели во флот с чином старшего лейтенанта, ему даже предоставили отпуск (по его просьбе) на два года с сохранением содержания.

Финансовая помощь экспедиции оказалась неожиданной. Редакция газеты «Новое время» пригласила Г. Я. Седова с материалами об экспедиции; М. А. Суворин, издатель и редактор «Нового времени», принял его приветливо. Еще бы! Задуманное моряком предприятие сулило газете изрядную прибыль. 18 марта в «Новом времени» появилось сообщение об организации экспедиции к Северному полюсу. 30 марта в Государственную думу было направлено законодательное предложение об отпуске 50 тысяч рублей на экспедицию из государственного бюджета. При этом в своей записке члены Государственной думы подчеркивали, что вообще-то расходы на экспедицию составляют 100–150 тысяч рублей, но недостающая часть будет собрана по подписке от частных лиц и научных учреждений.

Специальная комиссия при Морском министерстве нашла проект Седова «недоработанным», а правительство отклонило законопроект о финансировании экспедиции, хотя было указано, что «мысль об организации русскими моряками и учеными

всестороннего изучения приполярных областей, конечно, заслуживает принципиального сочувствия».

Благодаря пропаганде идей Седова в прессе его имя получило широкую известность в стране. Поэтому создание в марте 1912 года «Седовского комитета», затем преобразованного в «Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и исследования русских полярных стран», встретило горячую поддержку в России. Популярность Седова решили использовать в своих целях правые октябристы, другие шовинистические круги, стремившиеся таким путем нажать для себя политический капитал, затормозить развитие революционного процесса в стране.

Обо всем этом Седов, конечно, не знал. Он принял как бескорыстную помощь «Нового времени». И все-таки пожертвования оказались незначительными. Деньги поступали лишь от простых людей, ближайших друзей Георгия Яковлевича.

Явно в рекламных целях в «Новом времени» тогда появилось сообщение о том, что «его величество государь император Всероссийский соблаговолил пожертвовать в фонд экспедиции Седова десять тысяч рублей из личных средств», а Суворин открыл Седову кредит из личных средств. В действительности деньги поступили не от самого царя, а из казначейства по статье «особая» Министерства морского флота, кредит же Суворина был весьма незначительным. Лишь поступления от простых людей, ученых, артистов позволили Георгию Яковлевичу приступить к снаряжению экспедиции.

В начале июня Седов приехал в Архангельск искать подходящее судно, необходимое оборудование, имущество, продовольствие. Судовладельцы и купцы очень надеялись погреть руки на продаже всего, что требовалось для экспедиции. За каждый корабль они запрашивали непомерные цены. Владелец «Святого мученика Фоки», некто штурман дальнего плавания Дикин, решил действовать хитрее: он намеревался сорвать оговоренный в контракте срок выхода судна в плавание, чтобы получить неустойку. В дальнейшем Седову с большим трудом удалось нейтрализовать проделки алчного Дикина.

«Фока» был построен в Норвегии в 1870 году, имел 273 тонны водоизмещения, длину 40,7 метра, паровую машину мощностью 290 лошадиных сил, парусное и промысловое оборудование. Судно являлось пригодным для намеченного плавания.

В Архангельске Георгий Яковлевич заключил договоры с подрядчиками на закупку нужного снаряжения. До того как они доставят это снаряжение на судно, он решил съездить к родственникам в Кривую Косу. Отец и мать обрадовались, когда увидели его в своей хате. Перед ними предстал не прежний их

сын Егорушка, а мужественный, волевой, могучий офицер-мореплаватель. Только Наталья Степановна почувствовала, определила по его поведению, какими огромными заботами и волнениями охвачен ее сын. Георгий Яковлевич, уезжая из Кривой Косы, пообещал родным вновь приехать на отдых к ним после завершения экспедиции на Север.

В Петербурге Седова уже ждали вызванные им участники экспедиции: художник Н. В. Пинегин, географ В. Ю. Визе, геолог М. А. Павлов и сумевший втереться в доверие к Георгию Яковлевичу под маской искреннего друга ветеринарный врач П. Г. Кушаков. Вместе с ними, а также с принятыми в экипаж матросами Линником, Пустотным, Лебедевым, Инютиным, Томиссаром и Кизино начальник экспедиции стремился быстрее подготовиться к выходу в море.

Почему так торопился опытный полярник? Он опасался, что его противники сорвут экспедицию. «Комитет» же по организации экспедиции практически никакой помощи ему не оказывал. Партия октябристов также бездействовала.

В конце июля седовцы собрались в Архангельске. Они арендовали дом в Соломбале. На втором этаже этого дома расположились Георгий Яковлевич с женой.

С приближением выхода в море забот и тревог у начальника экспедиции прибавилось. Купцы, таможенные чиновники не упускали случая сорвать куш, ставили перед экспедицией всевозможные рогатки. Морское министерство за две недели до отхода судна аннулировало разрешение на отпуск радисту «Фоки» лейтенанту Кавелину, приглашенному с одного из военных кораблей. Пришлось с трудом приобретенную радиоаппаратуру оставить в Архангельске.

Да Седов и не проявил особой настойчивости в том, чтобы заиметь для экспедиции радиста. Он понимал, что без радиосвязи экипаж может оказаться в затруднительном, даже опасном положении, однако на это, видимо, шел вполне сознательно: его не могли отозвать с полпути к цели...

Свирепствовал, стремясь выбить неустойку, Дикин: то он сообщал, что кредиторы налагают на «Фоку» арест, то изобретал какую-либо иную пакость, а за три дня до отхода «Фоки» отказался вести его в плавание, рассчитал команду. Седов все-таки не растерялся в сложившейся обстановке, нашел новую команду, хотя некоторые участники похода были приняты в экипаж буквально за несколько часов до отхода, а старший механик И. А. Зандер прибыл на судно в одном пиджаке. (В этом пиджаке его похоронили через два года на Земле Франца-Иосифа.)

27 августа после пышной церемонии (постарался Суворин для рекламы) «Фока» все же вышел в море. Во всей этой неприглядной возне вокруг экспедиции, предпринятой дельцами, отразились пагубные порядки, существовавшие во времена царского самодержавия. Преследовалась лишь нажива любой ценой, даже если она связана с угрозой жизни полярных исследователей. Делец Вышомирский сбыв экипажу таких ездовых собак, которые не выдержали первой же зимовки: две трети их подохло. Архангельский купец Демидов продал экспедиции недоброкачественные продукты. Об этом свидетельствует письмо Седова Демидову, присланное с капитаном Захаровым с Новой Земли и опубликованное 12 октября 1913 года в газете «Архангельск». В нем, в частности, сказано:

«Сообщаю, что экспедиция жива пока и здорова, питаюсь запасами вашей заготовки. Среди запасов встречаются довольно худые, например, вся треска оказалась кислой, с сильным запахом. Из солонины уже оказалось три бочки вонючей. Кроме того, по контракту должно быть в бочках только чистое мясо задних частей, а оказывается во всех до сих пор вскрытых бочках находится солонина всей туши с костями вместе. Гретье масло плохого качества... Экспедиция терпит из-за этого большие лишения. Хотелось бы вам написать более приятное известие, но приходится оставаться на стороне истины и констатировать, к сожалению, факты так, как они есть...»

Большие затруднения испытывали члены экспедиции с теплой одеждой, шерстяным бельем и обувью. К тому же теплой одежды оказалось только 14 комплектов вместо заказанных 22.

На борту судна находилось 27 человек (увеличение состава экипажа произошло против желания Седова — по требованию управления порта). В состав экспедиции входили: начальник экспедиции, старший лейтенант Г. Я. Седов, капитан судна Н. П. Захаров, штурман судна Н. М. Сахаров, геолог М. А. Павлов, географ В. Ю. Визе, доктор экспедиции ветеринарный врач П. Г. Кушаков, художник-фотограф Н. В. Пинегин, механик судна И. А. Зандер, помощник механика М. А. Зандер, матросы Г. Линник, А. Пустотный, В. Лебедев, П. Коноплев, А. Инютин, И. Кизино, П. Пищухин, Н. Коршунов, Н. Кузнецов, М. Шестаков, И. Томиссар, В. Катарин, М. Карзин, А. Иванов, А. Самукин, С. Точилов, А. Куракин, С. Комков.

В ледовом плену

Баренцево море встретило «Фоку» белыми барашками, предвещая шторм. Начальник экспедиции принял решение плыть вдоль побережья Новой Земли, в знакомую ему Крестовую губу и дальше, насколько позволит обстановка. Затем, как предусматривалось планом, повернуть на север, к архипелагу Земля Франца-Иосифа. Перегруженный «Фока» шел тихим ходом — четыре мили в час. Наладилась размеренная судовая жизнь. На дежурство привлекались также Визе, Павлов, Пинегин, Кушаков.

В соответствии с планом производились научные исследования. Каждую четверть часа делались промеры лотом глубины моря, каждый час определялись температура и соленость воды, через каждые четыре часа производились метеорологические наблюдения.

При подходе к южной оконечности острова задул встречный ветер. Пришлось зайти в Белужью губу, чтобы переждать непогоду. Вскоре ветер утих, и шхуна двинулась дальше: обогнула полуостров Гусиная Земля, проследовала Малые Кармакулы, пролив Маточкин Шар, приблизились к Сухому Носу. Здесь бушевал жестокий шторм. Огромные бурлящие волны накатывались на «Фоку». Судно кренилось то на один, то на другой борт, глубоко зарываясь в воду. Мачты скрипели и гнулись дугой. Рухнула в морскую пучину сорванная часть паруса, разрушилась клетка с собаками.

Седов ни на минуту не покидал мостика, бесстрашно руководил матросами. Как только отказали паровые помпы, трюм стал наполняться водой. «Фока» все ниже опускался в воду. При создавшемся критическом положении Седов принял единственно правильное решение: укрыться за высоким берегом Сухого Носа. Но как туда пробраться? На подходе к нему — подводные камни. Иного пути не было. Капитан сделал поворот штурвального колеса, и «Фока» направился к скале. Опасность миновала. Пока измученный Седов спал в своей каюте, верхняя команда навела порядок на палубе, нижняя — наладила помпы, чтобы откачать воду.

На другой день ветер заметно утих, и 9 сентября «Фока» вошел в Крестовую губу. Жестокий шторм для него оказался одной из первых, но не единственной серьезной преградой на пути к полюсу.

«Шторм был жестокий, страшный, — писал позже Георгий Яковлевич жене. — Команду наполовину укачало... «Фоку» буквально всего укрывало водой...»

В Крестовой губе Седов проверил на установленном им же самим в 1910 году астрономическом пункте точность показаний хронометров, списал на берег пятерых матросов (позже они вернулись на корабле «Ольга» в Архангельск), пополнил запасы питьевой воды.

Не успела шхуна выйти из залива, как на нее вновь обрушился шторм. Команда на этот раз действовала еще более слаженно. Судно укрывалось под берегом небольшого острова около суток и легло прежним курсом на северо-восток.

Миновали губу Сульменова, губу Мишагина, достигли полуострова Адмиралтейства. Все чаще стали попадаться отдельные льдины. Потом появился туман, а когда он рассеялся, матросы увидели кромку сплошного льда. Такую запись оставил в своем дневнике Георгий Яковлевич 12 сентября на 76 градусе северной широты.

Тогда же заметно похолодало. Термометр показывал 8 — 10 градусов ниже нуля. Мороз крепчал. Лед быстро смерзлся в сплошные поля. «Фока» медленно продвигался к островам Панкратьева. При этом выяснилось, что в действительности один из них — полуостров, вследствие чего Седов сделал на карте соответствующее исправление. Судно неожиданно наскочило на банку — начался аврал. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не громадная льдина, помогшая «Фоке» сдвинуться с мели.

Плыли недолго. Появилось очередное поле льда. Начальник экспедиции долго смотрел вдаль, потом спустился в кают-компанию и объявил о зимовке. Это произошло 26 сентября у полуострова Панкратьева, в бухточке, названной Седовым по имени своего судна.

На судне заколотили люки, ненужные двери. В кают-компанию подняли из трюма пианино. Седов распорядился в метель зажигать топовые огни, при надобности звонить в колокол, запретил в одиночку выходить на охоту.

Для ученых были оборудованы кабинеты. В семидесяти метрах от судна матросы соорудили метеорологическую станцию. Они собрали лежавший на берегу выброшенный морем плавник, построили из этого лесоматериала баню, другие необходимые помещения.

Седов собрал экипаж, зачитал приказ о новом распорядке дня. Вахтенные начальники в зимний период дежурили по суткам. Многие члены команды получили дополнительные обязанности. Так, Визе поручалось заведовать библиотекой, Кушакову — хозяйством, старший механик Зандер отвечал за противопожарную безопасность. Для поднятия настроения у

матросов Георгий Яковлевич 3 октября устроил праздничный обед. Тогда же было решено выпускать судовой рукописный журнал «Не сдадимся!», редактировать его поручили Пинегину.

Жизнь экипажа на «Фоке» строго регламентировалась. Начальник экспедиции понимал: бездельничание приведет к тоске, поэтому и загружал каждого члена экипажа работой. Павлов изучал строение собранных горных пород. Визе систематизировал проведенные в пути наблюдения. Пинегин занимался фотографированием. Сам Седов читал лекции по навигации.

В то время Новая Земля и особенно ее Северный остров — место зимовки «Фоки» — были мало исследованы. В существовавшие карты этих мест требовалось внести поправки, изменения, дополнения. Большое внимание уделялось и метеорологическим наблюдениям. Седов с полным основанием считал, что перед ним, перед всем экипажем стояли сложные научные задачи, которые следовало решить. С присущим ему жаром он принялся исследовать окрестности бухточки Фока в радиусе до двух миль; на высоком берегу полуострова Панкратьева оборудовал астрономический пункт, названный им мысом Обсерватории, поставил знак в виде креста с выжженной надписью. Такие же знаки были поставлены и на островах Крестовых и Панкратьева.

Для производства мензульной съемки участка Георгий Яковлевич с одним из матросов выезжал на собачьей упряжке. Во время таких вылазок он изучал своих подчиненных, готовил их к дальним походам. Выносливостью, находчивостью и высокой организованностью отличался Г. Линник. Его Седов и наметил первым в группу для похода к полюсу.

...Приближалась полярная ночь. На широте бухточки Фока она продолжается 96 суток — с 4 ноября по 10 февраля. В действительности же зимовщики не видели солнца гораздо дольше.

Седов, Визе, Павлов продолжали вести научные наблюдения. Они стремились закончить работы на местности до наступления темноты. Дооборудовали метеоплощадку — протянули от судна к будкам специальный леер. Наблюдатели — Визе, Лебедев, Пустошный, Пинегин — выходили каждые два часа на площадку и снимали показания приборов.

С наступлением полярной ночи ухудшилось состояние здоровья членов команды. Они становились вялыми, сонливыми. От вынужденной неподвижности и однообразного питания многие из них постоянно жаловались на серьезные недомогания. Опасаясь цинги, Георгий Яковлевич все чаще посылал

зимовщиков на прогулки, провел с ними праздник Нептуна, позаботился об улучшении питания.

21 декабря Седов предпринял вылазку на север с целью более точного определения положения мыса Литке, находившегося от «Фоки» в нескольких десятках миль. С ним в путь отправились Томиссар и Линник. На нарту они погрузили палатку, запас провианта на две недели.

Через пять дней группа достигла намеченного района и произвела там астрономические наблюдения. На корабль она вернулась 1 января 1913 года.

Приближалось окончание полярной ночи. Экспедиция готовилась к реализации разработанного Седовым плана исследования Северного острова Новой Земли. Обследовать его внутреннюю часть в поперечном разрезе было поручено Павлову и Визе. Кроме того, Визе вменялось произвести опись части Карского побережья. Наиболее важный и сложный участок, протяженностью около 85 миль, готовился обследовать сам Седов, которому надлежало описать труднопроходимое побережье от полуострова Панкратьева до мыса Желания.

В эту поездку Георгий Яковлевич взял своим помощником боцмана Инютина. На нарты с десятью собаками уложили общий спальный мешок, палатку, оружие, приборы, провизию и корм на полтора месяца. 1 апреля обоз отправился в путь. Оставшемуся на судне капитану Захарову поручалось подготовить «Фоку» к плаванию.

20 апреля Седов и Инютин подошли к мысу Желания. Они первыми в мире достигли этого пункта пешком. Здесь Георгий Яковлевич собрал богатый научный материал и поставил из плавника астрономический знак. Обратный путь оказался мучительным. Вблизи одного ледника, названного Седовым в честь жены ледником Веры, путники провалились в воду и едва не погибли.

В конце мая Седов и Инютин вернулись на корабль. Встречать их вышли все свободные от вахты члены экспедиции, в том числе Визе и Павлов. По результатам проведенных Седовым исследований была, по существу, создана новая, достоверная карта Северного острова Новой Земли.

О проведенной работе Г. Я. Седов 14 июля 1913 года написал в приказе:

«Подвести итоги произведенной нами работы тем более приятно, что в ней сделаны некоторые открытия несогласия с существующими картами, и нам, участникам первой русской экспедиции к Северному

полюсу, таким образом, достался счастливый жребий внести исправление в существующую неверную карту Новой Земли... Таким образом, наша экспедиция... уже сделала кое-что для науки.

Впереди — поход к Северному полюсу. Это задача экспедиции — вторая задача, так сказать, идейная, связанная с именем русского человека и честью страны. Поэтому надеюсь, что мы и в этом походе покажем свое усердие, мужество, отвагу и также с победой выйдем из него» (*Первая русская экспедиция к Северному полюсу, Сев. — Зап. кн. изд-во, 1964, с. 63.*)

...Наступило потепление. В трех милях за островом Заячьим Павлов и Пинегин увидели открытое море. Они доложили об этом Седову, и тот принял решение отправить в Крестовую губу на борт первого парохода, отходившего в Архангельск, почту экспедиции. Была назначена группа в составе И. Томиссара, В. Катарина, М. Карзина и брата старшего механика М. Зандера во главе с Захаровым. Материалы экспедиции упаковали в запаянные цинковые ящики, обшитые снаружи досками. В распоряжение группы предоставили шлюпку со стальным килем, нарты, тридцать собак, палатку, оружие, мореходные приборы, обеспечили ее провиантом на три месяца.

Седов посылал «Комитету» донесение о вынужденной зимовке, данные проведенных исследований, киноленты, информировал его о том, что угля осталось ничтожное количество, что больше половины собак негодны, просил выслать к Земле Франца-Иосифа судно с углем и собаками. Захарову он вручил приказ и подробную инструкцию. Маршрут группы пролегал через остров Заячий, где стояла норвежская избушка. В этой избушке группа задержалась из-за нерешительности ее руководителя, чрезмерно опасавшегося непогоды.

От острова отплыли лишь 20 августа, в тумане прошли мимо Крестовой губы (в нарушение инструкции), становища Маточкин Шар; тем самым Захаров умышленно удлинил морской путь на шлюпке, чтобы потом выказать себя героем... В Архангельск группа прибыла вторым пароходом. Поэтому о посылке дополнительной шхуны к Земле Франца-Иосифа, о чем убедительно просил Седов, не могло быть и речи.

Если бы почта и поступила в «Комитет» вовремя, все равно экспедиция не получила бы никакой помощи. Денег в кассе «Комитета», состав которого к тому времени значительно обновился, по-прежнему не было.

Капитан Захаров не только преднамеренно срывал сроки

прибытия группы в заранее намеченные районы, но бездушно относился к своим подчиненным. Типичный представитель царской офицерской элиты, он сам во время остановок блаженствовал в палатке, а матросы (среди них были больные) ночевали под перевернутой шлюпкой.

Присланные Седовым материалы о проведенных исследованиях опубликовали многие газеты. Впоследствии об этих исследованиях Фритьоф Нансен так сказал: «Если бы даже Седову и не удалось достичь Земли Франца-Иосифа и полюса, то и в таком случае собранный им научный материал достаточен, чтобы считать результаты экспедиции очень и очень полезными».

В связи с возросшим интересом к седовской экспедиции «Комитет» возбудил ходатайство об отпуске правительственных средств на снаряжение вспомогательных экспедиций в западный сектор Арктики, где в неизвестности находились вышедшие в плавание в 1912 году экспедиции Русанова и Брусилова. Но время было упущено, арктическая навигация 1913 года уже закрылась.

... Седов в ожидании вскрытия льда закончил серию магнитных и астрономических наблюдений, составил в крупном масштабе карту района зимовки. Визе и Павлов завершали выполнение поставленных перед ними задач. Пинегин продолжал создавать новые этюды.

В середине августа Георгий Яковлевич предпринял попытку проложить во льду канал с помощью специальных пил, чтобы вывести «Фоку» на чистую воду. После этой неудавшейся попытки для пробития канала применили аммонал, однако тоже безрезультатно. К счастью, неожиданно пошел сильный дождь, потом налетел ураганный ветер. Это и позволило экипажу 3 сентября вывести «Фоку» из ледового плена и взять курс на север, к Земле Франца-Иосифа.

Вперед!.

«Фока» в разводьях среди льдов, при попутном ветре, под парами и парусами приближался к Земле Франца-Иосифа, а членов экипажа все более охватывало тревожное волнение: кончался уголь, сгорели уже детали бани, разборного домика, взятого еще в Архангельске, сало морских зверей, смешанное с золой...

13 сентября в прозрачной туманной дымке по курсу обозначились контуры земли. На палубу вышли все члены экспедиции, свободные от вахты. До 1873 года об этой земле никто ничего не знал. Лишь в названном году австро-венгерская экспедиция открыла недалеко от полюса обширную группу островов. С той поры здесь побывало много мореплавателей. Некоторые из них построили домики, а покидая острова, оставляли запасы продовольствия и топлива для будущих путешественников.

За восемь лет до открытия Земли Франца-Иосифа русский гидрограф вице-адмирал Н. Г. Шиллинг, изучивший морские течения и распределение льдов в Центральном арктическом бассейне, на заседании Русского географического общества сделал доклад на тему «Соображения о новом пути для открытий в Северном Полярном океане». Он тогда высказал научно обоснованное предположение о существовании к северу от Новой Земли какой-то суши. Ученый, путешественник, исследователь Сибири, революционер П. А. Кропоткин в 1871 году разработал проект поисков этой земли. Однако экспедиция в высокие широты не состоялась. Царские чиновники посчитали ее ненужной, пустой тратой денег для проведения подобных экспедиций.

...Корабль подходил к мысу Флора, южной оконечности острова Нордбрук. В дневнике Седов записал: «Стали благополучно на якорь у поселка Джексона на мысе Флора. Моржи большим табуном встретили нас...»

Переполненная людьми шлюпка двинулась к поселку. Всем им не терпелось узнать, есть ли на острове уголь? Но угля не оказалось ни в домике Джексона, ни в домике Макарова, первого русского мореплавателя, проложившего путь к Земле Франца-Иосифа, ни в домике итальянца Абруццкого. Лишь в одном из помещений моряки обнаружили кучу смерзшейся угольной пыли.

Перевезли на «Фоку» обнаруженную угольную пыль — около 150 — 200 пудов. Охотились на моржей, которых потом сжигали вместе с пылью в котле. Долго оставаться здесь, у мыса Флора, открытого всем ветрам, было нельзя: льды могли прижать

корабль к берегу и раздавить его.

17 сентября Георгий Яковлевич сделал в дневнике такую запись: «...Сего числа отправляюсь дальше на север по пути к Земле (остров) кронпринца Рудольфа, остановимся на зимовку в зависимости от льдов...»

Покидая «международную гостиницу» — мыс Флора, Седов оставил в почтовом ящике письмо для русского судна, которое, как он надеялся, возможно, придет сюда. В нем говорилось; «Уголь и всю корреспонденцию для экспедиции, а при возможности и шлюпку, оставить на мысе Флора. Если судно будет располагать временем, прошу привести в жилой вид рубленый дом. «Фока» будет отстаиваться до весны где-то на пути к острову Рудольфа. Все здоровы, все благополучно. Привет. Старший лейтенант Седов».

«Фока», обогнув с запада остров Нордбрук, направился Британским каналом на север. На 81 градусе он уперся в ледяной барьер.

19 сентября в небольшой бухточке возле острова Гукера началась вторая зимовка «Фоки». Эту бухточку Седов назвал Тихой.

Потушили котел, команда с удовольствием помылась в теплой воде, постирала белье. На «Фоке» произвели перестройку, разобрали для топки кубрик. Тщательно утеплили двери, перекрыли вентиляцию. Приводили в порядок одежду, снаряжение. Плотник Коноплев устроил самопрялку, ловко сучил нитки. Геолог Павлов сшил из фартука фотоаппарата рукавицы. Художник Пинегин умело выделывал шкуры морских животных. Боцман Инютин шил сапоги из нерпичьих шкур. Матрос Линник чинил шлейки для собачьих упряжек.

Положение экипажа усложнялось с каждым днем: в помещениях было сыро, холодно; питание однообразное, появились первые признаки заболевания цингой. Заболел и Седов. О своем недомогании он никому не говорил, считал, что нельзя хныкать перед выполнением главной задачи.

В ту осень далеких экскурсий не намечалось. Обследовались, да и то ограниченно, лишь окрестности бухты. Члены экспедиции экономили силы и средства для похода к полюсу:

К началу 1914 года в западном секторе Арктики, кроме седовцев, находилась экспедиция Вилькицкого (сын генерала Вилькицкого) на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач». С востока она открыла большой архипелаг Северной Земли. Где-то неподалеку от нее терпел бедствие «Геркулес» В. А. Русанова, дрейфовала на северо-запад зажатая льдами «Святая Анна» Г. Л. Брусилова. И «Геркулес», и «Анна», как и «Фока», не имели

радиотелеграфа.

Выход группы к полюсу Г. Я. Седов назначил на 15 февраля (2 февраля по старому стилю). Вместе с ним изъявили желание идти матросы Г. В. Линник и А. М. Пустошный. Обоз состоял из трех нарт: «Передовая», «Льдинка» и «Ручеек» при 24 собаках. На нарты установили два каяка с имуществом группы, сложенным в резиновые мешки, общим весом около 50 пудов. Запас провизии был взят на четыре месяца, корм собакам — на полтора. Погрузили и все три пуда керосина. Седов надеялся пополнить запасы из складов Абруццкого в Теплицбай на острове Рудольфа.

До полюса было 600 миль. При среднесуточной скорости движения в восемь миль переход туда и обратно планировалось завершить за пять месяцев. Визе и Пинегин убеждали Георгия Яковлевича в нереальности его плана. Но он твердо стоял на своем. Перед выходом издал несколько приказов, ниже приводится последний из них:

«2 февралю, бухта Тихая.

Волею божией мы прибыли на Землю Франца-Иосифа и волею же божией идем, наконец, на полюс. «Человек предполагает, а бог располагает» — так говорит русская пословица. В Петербурге мы предполагали попасть в первый же год на Землю Франца-Иосифа и на следующий год идти к полюсу, причем идти на пяти-шести нартах с 50 — 60 собаками, с сильным снаряжением, большими запасами свежих сил людей, а попали лишь на второй год, и то с большим опозданием. Идти на полюс принуждены мы не на шести нартах, а лишь на трех неполных при 24 уцелевших собаках и, следовательно, в силу необходимости при сокращенном количестве людей, в которых, к большому общему горю, нельзя не заметить некоторого упадка сил как нравственных, так и физических, вызванного двумя суровыми зимовками.

В полюсную партию входят: офицер (лично я) и два матроса — Григорий Линник и Александр Пустошный. Клади всего идет около 50 пудов, в том числе запас провизии для людей на четыре месяца и корма для собак на полтора месяца.

Географ экспедиции Визе, который должен был бы, по первоначальной программе, принять участие в походе к полюсу, теперь оставляется мною при судне экспедиции. Эта перемена вызвана главным образом недостатком собак полюсной партии и частью

соображениями по производству некоторых научных работ на Земле Франца-Иосифа, где он является надежным моим заместителем. Конечно, это обстоятельство, я знаю, не может особенно порадовать В. Ю. Визе, который хотел разделить мою участь в полюсной партии, а также не может доставить и мне большого удовольствия, ибо я лишен в дороге культурного спутника и преданного делу работника. Ну, что же делать: на все воля божия. Разделим наши труды пополам, и каждый на своем месте честно исполнит свой долг... Итак, в сегодняшний день мы выступаем к полюсу. Это — событие для нас и для нашей родины.

Об этом деле мечтали уже давно великие русские люди — Ломоносов, Менделеев и другие. На долю же нас, маленьких людей, выпала большая честь осуществить их мечту и сделать посильные научные и идейные завоевания в полярных исследованиях на пользу и гордость нашего дорогого отечества.

Мне не хочется сказать вам, дорогие спутники, «прощайте», мне хочется сказать вам «до свидания», чтобы снова обнять вас и вместе порадоваться на наш общий успех и вместе же вернуться на родину.

Особенно было бы приятно застать вас здесь среди общего благополучия, в полном мире и согласии.

Пусть же этот приказ, пусть, быть может, мое последнее слово, послужит вам памятником взаимной дружбы и любви. До свидания, дорогие друзья! Старший лейтенант Седов».

В другом приказе Седов передал власть начальника Ушакову, руководство научными работами — Визе, командование кораблем — Сахарову.

О том, как совершался поход к полюсу, подробно записал в дневнике Георгий Яковлевич. Ниже приводятся последние страницы этого дневника:

«Воскресенье, 2 февраля (старого стиля) С утра тихо, пасмурно, температура — 13 градусов Ц. Ночью выпал глубокий снег. Несмотря на это, у нас к отходу все готово. Свету нет, жертвую кинематографом.

В десять часов отслужили обеденку. Прочли мои приказы, говорили речи: я, доктор и боцман Лебедев. Я, доктор и многие другие прослезились. В 11 часов сели за стол, позавтракать. В 12 часов при температуре — 20 градусов, при ветре N 0/ (*ЗСилуветра Седов записывал в*

баллах Бофорта), под пушечные выстрелы отвалили от судна к полюсу. Свету мало, удалось лишь снять с нас фотографии. Провожали нас верст пять вся здоровая команда и офицеры. Сначала дорога была плохая, но зато собакам помогала команда, а затем дорога улучшилась, а в конце Гукора встретили огромные ропаки, через которые пришлось переправляться, благодаря наступившей темноте, с большим препятствием. Нарты опрокидывались, и люди падали. Я с больными ногами полетел несколько раз. Пройдя около восьми верст, из-за темноты остановились ночевать в проливе за Гукером в четыре часа дня. На ночь всех собак привязали, кроме трех надежных, чтобы не ушли и чтобы не подпустили медведя. Это Разбойник, Ободрыш и Труженик. Штиль, морозу около 25 градусов. Собак не кормили, сами же пили только чай. В палатке хорошо, тепло, только ноги мои меня беспокоят.

Понедельник, 3 февраля. В девять снялись с лагеря. Дорога скверная. Выпало много снега, и нарты врезаются в него. Собаки еле тащат. Подвигаемся тихо. Тормозом является также третья нарта, которая без человека. Холод собачий: — 35 градусов, при этом ветерок прямо в лоб. В Британском канале снял айсберг-арку. Видели свежий медвежий след, который шел с севера на юг.

В четыре часа, пройдя около 12 верст, остановились ночевать у Кетлиц-лэнд. Здесь бросили пару лыж, ветровые рубашки и другие ненужные вещи. Собакам дали медвежьего сала, но они отказались его есть. Некоторых собак страшно бьет холод. Мы-то боремся, а собакам беда, берем бедняг в палатку. Ноги мои поправляются, слава богу.

Вторник. 4 февраля. В девять снялись. Эту ночь Мальчика и Пирата отогревали в палатке. Перед запряжкой три собаки удрали — Пират, Мальчик и Ободрыш, едва поймали. Сколько хлопот с этими собаками! Поутру задрали Волка, если бы не выскочил Линник и не отбил, то разодрали бы. В полдень чудная, красная, желанная заря. Дорога несколько лучше: снег утрамбовало. Собаки идут хорошо, хотя третий день ничего не едят, сало медвежье есть отказались, сегодня дали по галете — съели. Прошли верст 15, остановились ночевать у N конца Кетлиц-лэнд. Сегодня было здорово холодно. Я шел в рубашке, сильно продрог. Спасаемся примусом, жжем керосину около двух фунтов в день. Это

вдвое больше положенного, но я надеюсь в Теплиц-бай керосин пополнить. Ропакон много. Сегодня беру в палатку на ночь четырех собак — Куцего, Мальчика, Пирата и Пана. Все время дует N ветер, буквально обжигает лицо, того и смотри обморозим щеки. Морозу 36 градусов. Собакам в морду ветер тоже очень чувствителен; несмотря на работу, все-таки они мерзнут в пути, а на стоянке и говорить нечего.

Среда, 5 февраля. В девять снялись. Пан, конечно, отогревшись в палатке, удрал на промысел. Поймали его только в пути, за что получил хорошую дерку. Сегодня прошли тоже около 15 верст и остановились ночевать у мыса Рихтгофен. По пути встретили два старых медвежьих следа. Стали попадаться трещины и полыньи, покрытые уже толстым солончаком. Море королевы Виктории темное, вероятно, там вода или большие полыньи, покрытые солончаком. Держусь ближе к берегу, по крепкому льду, но зато здесь много ропакон. В общем, сегодня дорога выпала отвратительная: много рыхлого снега и ропакон.

К вечеру потянул ветер из пролива, было адски холодно, а я умудрился и сегодня шагать в рубашке, ибо в полушубке тяжело. Продрог снова, в особенности замерзли холка, спина и плечи. Кашляю, тяжело очень при большом морозе дышать на ходу, приходится глубоко втягивать в грудь холодный воздух; боюсь простудить легкие. Ноги мои заметно поправляются, опухоль сходит, ребята мои настроены хорошо, охотно идут вперед. Собаки пока держатся все, даем им по три четверти фунта галет. Отогреваем некоторых в палатке. Волк болен. Спасаемся драгоценным примусом и [спальным] мешком. Ужасно расходуем керосин: более двух фунтов в день.

Четверг, 6 февраля. В девять с половиной двинулись дальше. Дорога отвратительная: ропакон и рыхлый снег, встретили сажень десять полыньей, которая достаточно вымерзла, чтобы мы ее свободно перешли. У меня по-прежнему болят ноги и усилился бронхит. Идти очень трудно, дышать еще труднее, но тем не менее прошли около пятнадцати верст и в четыре часа остановились на ночевку у мыса Армитэдж. Идем тихо, но что же делать, зато идем вперед. Сегодня снилась Веруся, да спасут ее боги! Я совсем болен, но духом не падаю.

Пятница, 7 февраля. Сегодня Линник случайно

поднял нас в три часа утра; так как мы перележали все бока, то охотно все выползли из мешка, согрели чай, посидели с примусом до семи с половиной утра. Когда стало сравнительно светло, запрягли собак и в восемь с половиной следовали дальше. Сегодня термометр минимальный показал — 40 градусов Ц. Дорога была ужасно мучительна: ропаки и рыхлый глубокий снег. Откуда он взялся, неизвестно, да плюс к этому — 35 градусов и ветер 0/4, как раз в правую скулу. Страшно тяжело было идти, а в особенности мне, больному. Собаки, бедняжки, не знали куда свои морды прятать. Очень ходко на холоде идут, но стоит только стать, как сейчас же роют себе ямки и прячутся туда от холода. От двух до четырех была выюга. Это окончательно нас убило, мы едва продвигались вперед. Я все время оттирал лицо и все-таки не усмотрел, как немного обморозил нос. В четыре часа стали лагерем у мыса Фишер, пройдя и сегодня, несмотря ни на что, около 14 — 15 верст. На ночь пять собак беру в палатку.

Суббота, 8 февраля. Сегодня выехали позднее обыкновенного — около девяти с половиной часов утра. Я долго возился с лечением ранок на руке, которые я получил от примуса, и на ногах, в паху, которые натер брюками. Надел другие брюки, почувствовал облегчение. Ночью была выюга. Пять собак ночевали в палатке. Мешок местами уже обледенел, спать было холодно. Простыня внутри мешка здорово холодит, потеет, замерзает и т. д. Встречали много больших ропаков и глубокий снег, но в общем сегодня была дорога сносная, попадались солончаковые поля. Одно было ужасно скверно — это NNW/2 ветер в лицо при 35 градусах мороза. Я окончательно простудил себе грудь. Бронхит меня давит, не могу отдышаться. Под вечер страшно лихорадит, едва отогрелся у примуса. Ах, дорогой, дорогой спаситель наш примус! Собак сильно бьет мороз. Кормим их досыта — по одному фунту и более галет. Прошли 15 верст и остановились в четыре часа ночевать за островом Марии-Елизаветы.

Воскресенье, 9 февраля. Сегодня с утра Варнак устроил себе праздник, убежал в ропаки, а затем преспокойно конвоировал нас по курсу до обеда; после полудня его удалось поймать и запрячь. Сегодня было хотя и много градусов мороза, но ветра было мало и двигаться было сравнительно тепло. Снялись по

обыкновенно в девять утра и, пройдя около 15 верст, в три с половиной часа стали ночевать у зимовья Нансена. Робаков было мало, но рыхлого снега уйма, так что в общем дорога была тяжелая. Я до того заболел бронхитом, что не мог идти. Шел впереди Линник, а я сидел на нарте, в которую подпрягли двух лишних собак. Этой же нартой я с трудом управлял. Мне дышать совсем трудно на морозе за работой. Боже, неужели я не поправлюсь до Теплиц-бай? Не то скандал. Сегодня вечером — чай с ромом. Примус меня очень спасает. Было четыре чистилки, а осталась только одна — три сломали. Уж очень они плохие, а без них худо; оставшуюся берегу, как свой глаз. Собаки сильно работают. Кормим их досыта — по фунту и более галет. Ночью мерзлячек беру в палатку.

Понедельник, 10 февраля. В девять двинулись дальше. Я до того оказался слаб, благодаря бронхиту, что не мог десяти шагов пройти вперед. Сидел опять на нарте. Адски промерз, так как был одет для ходу. Кажется, еще больше усилил простуду, ибо стала болеть грудь и все ниже в правой стороне, страшно лихорадит. Дорога была скверной, а я все-таки был вынужден управлять своей нартой; был настоящим мучеником. Едва дотянул до четырех часов, когда остановились ночевать у мыса Климентса (Маркама). Сейчас, в палатке, при огне очень дурно себя чувствую. Ужасно боюсь, чтобы не получить воспаления легких. Здесь встретили немного воды и айсберги плавающие, тюленьи продушины стали попадаться по тонкому льду. Одна сейчас в пяти саженях от палатки. Тюлени сопят и страшно волнуют собак, вероятно, всю ночь бедняги не будут спать. У Пустошного шла кровь ртом и носом. У Линника сильно ноги мерзли. Сегодня был особенно холодный день.

Вторник, 11 февраля. Сегодня снялись из-за моей болезни в десять часов утра. Я оделся в пимы и полюсный костюм и ехал на нарте, как баба; дорога была вся в робаках, и только под вечер встретился солончак. Собаки с утра все сильно дрожали и везли плохо, и только под вечер разошлись. Встретили песцовый след. У Линника шла носом кровь, и у Пустотного до того ноги замерзли, что он по дороге вынужден был надеть пимы и в них идти.

В четыре часа стали на ночевку, пройдя около 15

верст, у Земли Александры. Сегодня была такая зря, что в ней казалось почти солнце. Виден уж Теплиц-бай. Я чувствую себя лучше, ибо был тепло одет и все время сидел на нарте спокойно.

Среда, 12 февраля. Сегодня снялись в восемь ТРИ четверти утра. Холод стоял адский: при — 35 градусов ветер 3 балла и метет снег. Это самый холодный день. Пока я еду больным в полюсном костюме, как чучело, и все-таки прозяб. Дорога отвратительная: масса ропаков, приходится проводить по одной нарте; целое мучение, собаки очень мерзнут и плохо везут. Встретили свежий медвежий след и много следов песцовых; слева — кажется, недалеко — вода, за туманом ее не видно. Отогревали Арестанта. Линник подморозил на ногах большие пальцы. Прошли около 15 верст и остановились в четыре часа ночевать у Земли Рудольфа. Сегодня был минимум — 42 градуса. Сейчас дует балла на четыре OST. Палатку изрядно треплет, мы же, как цыгане, сидим вокруг примуса.

Четверг, 13 февраля. 13-е число неудачное, как вообще. Снялись в девять и пошли в тумане (идет снег). Дорога тяжелая, собаки еле везут, ничего не видно. Забрели в какой-то пролив между островами, но только не в Теплиц-бай, хотя он уже, чувствуется, близко. После двух разъяснено, сделался чудный теплый день, но дорога тяжелая — снег и ропаки, тащимся дальше по курсу. В океане, видно, воды много, ибо видать черное небо. Встретили зайца у лунки, не подпустил на выстрел, сполз. В пять часов остановились ночевать, кажется, у Земли Рудольфа: трудно с уверенностью судить, так как в этом месте карта страшно неверна. Посмотрим, что покажет завтрашний день. Вечером пришел медведь к палатке, огромный, собаки его погнажи. Я, несмотря на болезнь, пошел с Линником на собачий лай. Пройдя кое-как около двух верст, мы нашли медведя едящим в лунке, окруженного собаками. Я несколько раз стрелял в него с аршинного расстояния, но ружье так замерзло, что не дало ни одного выстрела. Когда пошли мы, разочарованные, назад, то я уже двигаться не мог, так плохо себя чувствовал. Пришлось остаться с собаками, сторожить медведя, а Линник пошел за нартой. Вскоре медведь выскочил из лунки и побежал на SW, собаки — за ним. Часа через два меня нашла нарта и привезла, как труп, в палатку. Здоровье свое ухудшил, а тут еще нужно

залезать в замерзший мешок.

Пятница, 14 февраля. Сегодня в девять часов потащились дальше. Снег, туман, ничего не видать, собаки не везут — караул! Протащились около трех-четырёх верст и стали лагерем у группы маленьких островков между Землями Рудольфа и Александры (у самого N). К W и N вода, дальше ничего не видно. Буду здесь стоять лагерем, пока не дожждусь ясной погоды. Здоровье мое очень скверно, вчерашний медведь ухушил его. Кончился пуд керосину, начали другой.

Суббота, 15 февраля. В десять часов утра ясно, морозу 30 градусов. Пошли через пролив к Земле Рудольфа, которая ясно была видна. Пройдя около одной-полутора верст, наткнулись на сплошной тонкий (1 вершок) солончак. Взошли первой нартой на него («Льдинкой»), а она провалилась, вместе с ней и собаки. Люди держались свободно. С большим трудом вытащили нарту назад, ничего не помочив, так как каяк великолепно плавал. Остановились здесь же ночевать и ждать, пока достаточно замерзнет пролив. Сегодня у воды видели тысячные стада птиц: люмсы (*Люрики*) и кайры. Я ужасно разбит болезнью: сильнейший бронхит, болит горло и распухли ноги. Лежу все время в мешке, настоящий мученик.

Воскресенье, 16 февраля. Сегодняшний день сидели у пролива и ждали, пока он замерзнет. А он не замерзает — и только; видно, здесь большое течение. Люди ходили версты три-четыре к середине пролива и встретили там открытую широкую воду. Птиц и зверя много. Завтра думаю тащиться на восток, может быть, там обойду воду. Болен я адски и никуда не гоюсь. Сегодня опять мне будут растирать спиртом ноги. Питаюсь только одним компотом и водой, другого ничего душа не принимает. Конечно, съел бы яичко, сметанки, жареного цыпленка и даже чашку кислой капусты. Но где все это?!

Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети нашим близким на родине, как мы ютимся в палатке, как больные, удрученные под 82 градусом северной широты... Понедельник, 17 февраля...» На этой записи дневник Г. Я. Седова обрывается.

Здоровье Седова становилось все хуже и хуже, физические силы уходили, но силы, влекшие его к полюсу, не ослабевали. В пути он часто, теряя сознание, падал с нарты, но первое, что делал, приходя в себя, глядел на компас: не повернули ли на юг?

По ночам Седов то жаловался на большую жару, то на нестерпимый холод. Линник и Пустошный растирали ему ноги спиртом, пытались согреть его, тесно прижимаясь. Последние дни и сами матросы чувствовали себя очень плохо, но командир запретил им даже заводить разговор о пути назад.

Только вперед!.. Не доходя версты три до острова Рудольфа, путешественники остановились. Разразилась пурга, не утихавшая несколько дней. 5 марта, когда ветер нещадно рвал полог палатки, Седов стал задыхаться. Линник поддерживал его голову. Пустошный держал над его грудью горящий примус, стараясь хоть чем-то помочь Георгию Яковлевичу. Дыхание больного становилось все прерывистее.

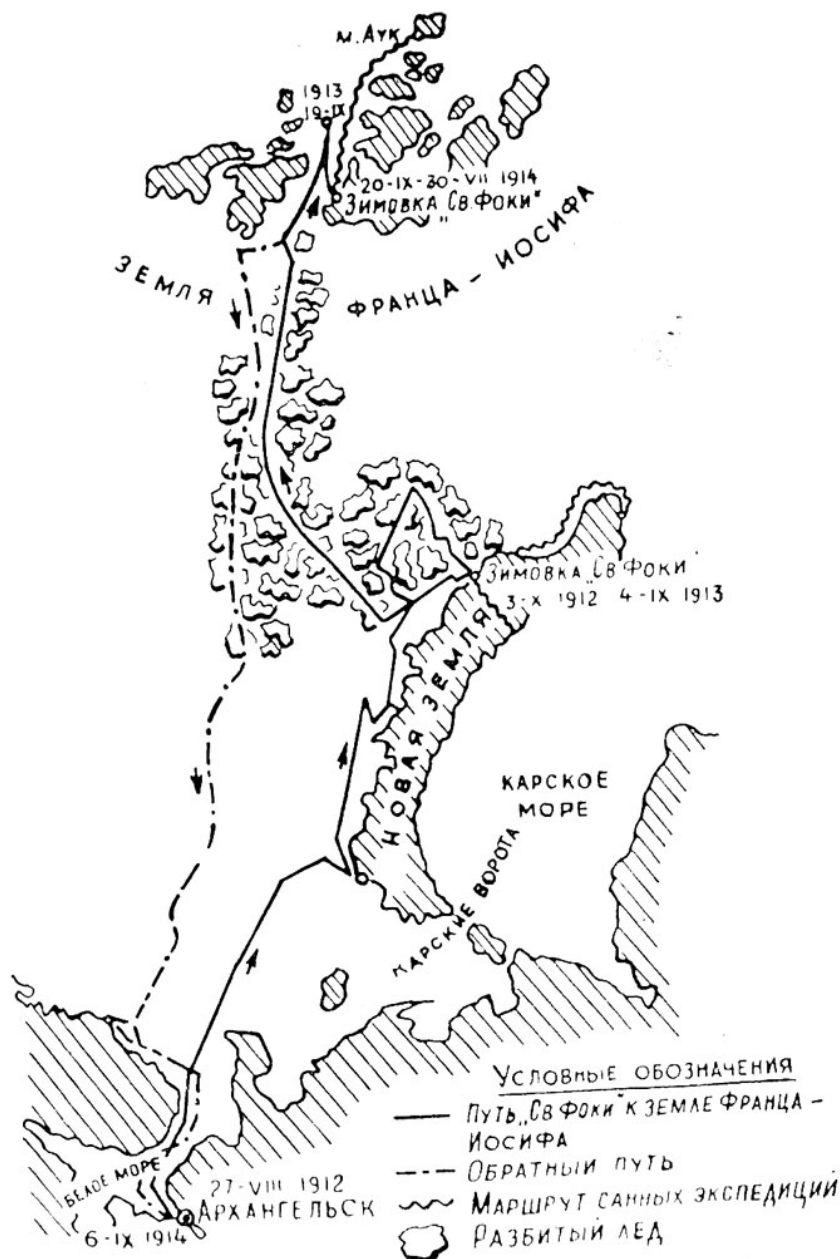
— Линник, поддержи... — Это последние слова Седова. В 2 часа 40 минут он скончался.

Долго стояли на коленях над телом своз-го командира и друга матросы. «Раз в жизни, — записал позже в дневнике Линник, — я не знал, что предпринять...»

Потушили примус (керосин был на исходе), достали меховые костюмы и сначала хотели везти тело Седова на «Фоку», но решили предать его земле здесь.

На мысе Аук, на западе острова Рудольфа, на высоком каменистом косогоре вырос тогда небольшой холмик. Вместе с телом Георгия Яковлевича матросы положили русский национальный флаг. Тот самый, который он собирался водрузить на полюсе.

Взяв с собой по несколько камней с могилы командира, Линник и Пустошный двинулись в обратный путь. До бухты Тихой было 120 миль, до полюса — 480. Через десять дней их, почерневших, полуживых, увидели с борта «Св. Фоки».

Карта района полярной экспедиции старшего лейтенанта Г. Я. Седова в 1912-1914 гг.

Возвращение

В России ничего не знали ни о трагических событиях, происходивших у острова Рудольфа, ни вообще о судьбе экспедиции Седова. Равным образом ничего не было известно и о судьбе экипажей «Геркулеса» и «Святой Анны». Только под давлением общественности и либеральной прессы, развернувших после сообщения седовцев об их первой зимовке широкую кампанию в помощь российским полярникам, правительство наконец выделило средства (примерно в полмиллиона рублей, оговорив при этом необходимость лишь чисто «спасательных акций») на организацию поисков экспедиций Русанова, Брусилова и Седова.

Главное гидрографическое управление (к тому времени его начальником стал генерал-лейтенант М. Е. Жданко) направило для указанных правительством целей шхуны «Герта» и «Андромеда» под начальством капитана первого ранга Ислямова в западный сектор Арктики. В высших кругах говорили о том, что Ислямов вез приказ морского министра вернуть Седова в Россию, а в случае неподчинения — арестовать его. Вот что писала по этому поводу газета «Архангельск»:

«В высших морских сферах весьма отрицательно относятся к седовской экспедиции. Такое отношение проявилось после того, как выяснилась вся несерьезность экспедиции...»

«Архангельску» вторила газета «Голос Руси»:

«Морской министр высказал совершенно справедливый взгляд, что России не нужен Северный полюс. Если же являются люди, желающие разыграть из себя героев Жюль Верна, то это их частное дело. Но они тянут с собой целую команду, которая может погибнуть по их вине...»

Как видно, господа из махрово-реакционных газет ловко умели поставить все с ног на голову, чтобы не бросить тень на существовавший порядок, при котором лучшие, храбрейшие моряки, ученые вынуждены были идти на риск и на смерть!

Экипажи судов Ислямова не выполнили поставленную перед ними задачу. Под давлением левых членов Государственной думы царское правительство организовало более интенсивные поиски с

помощью воздушных разведчиков.

Генерал-лейтенант М. Е. Жданко пригласил к себе позже известного морского летчика поручика Яна Иосифовича Нагурского, ознакомил его с трагической ситуацией, в которой оказались экспедиции Русанова, Брусилова и Седова, и предложил ему произвести полеты над льдами Северного Ледовитого океана.

В первых числах августа 1914 года гидросамолет «Морис Фарман» был доставлен в Крестовую губу на пароходе «Печора». Здесь за четыре дня Нагурский и моторист матрос первой статьи Евгений Кузнецов смонтировали машину и подготовили ее к полетам. Ранним утром 8 августа 1914 года впервые над просторами Северного Ледовитого океана появился самолет. Он летел по маршруту, острова Баренца — мыс Борисова, протяженностью 450 километров. Внимательно вглядывались авиаторы. В простирившиеся под крыльями просторы. Но никаких следов экспедиций они не обнаружили. У мыса Борисова пилот приводнил машину, повредив при этом поплавки. По колено в воде, он и моторист выволокли машину на берег. Экипаж стоящей неподалеку плавучей базы — шхуны «Андромеда» помог им сменить поплавки, обеспечил заправку машины горючим и маслом. В бортовом журнале Нагурский записал: «За 4 часа 20 минут пройдено 420 километров, никаких следов экспедиций не обнаружено».

Во время рейса 12 августа произошла поломка машины. Пилоту удалось удачно произвести посадку. На ремонт «Фармана» ушло много времени.

С возвращавшегося с мыса Флора Земли Франца-Иосифа судна «Герта» от капитана Ислямова поступило сообщение о гибели Седова, о том, что «Фока» приближается к родным берегам.

Нагурский и Кузнецов теперь производили поиск «Геркулеса» и «Анны». Они совершили пять полетов. И хотя им не удалось обнаружить затерявшиеся во льдах суда, подвиг авиаторов высоко отмечен: имя Я. И. Нагурского присвоено советской полярной станции на Земле Александры — острова на северо-западе архипелага Земли Франца-Иосифа.

...Дождавшись Линника и Пустотного, экипаж «Фоки» стал готовиться к возвращению в Архангельск. Прежде всего позаботились о больных, им требовалось свежее мясо. Наступление полярного лета позволило морякам производить охоту и таким образом обеспечивать весь экипаж мясом. Затруднения возникли с топливом. В конце марта Пинегин и Инютин направились к мысу Флора, по дороге осмотрели

окрестности, но плавника не обнаружили. На мысе в почтовом ящике они оставили записку — ту самую, которую потом нашел капитан Ислямов.

Пинегин и Инютин возвратились на судно в начале апреля. К этому времени все еще болели только двое — Коршунов и Коноплев.

Холода на архипелаге как-то сразу резко оборвались, ветры утихли, чаще образовывался туман. В ожидании вскрытия бухты Ю. В. Визе продолжал научные наблюдения в полном объеме. С помощью М. А. Павлова и Н. В. Пинегина он вел геологические и гидрографические исследования, изучал движение ледников, осуществил подробную съемку береговой линии острова Гукера и других ближайших островов.

Исполнявший обязанности капитана «Фоки» Сахаров вместе с командой приводил в порядок машину и другое судовое оборудование. Все, без чего экипаж мог обойтись, разбиралось и складывалось. Поломали фальшборт, часть мачт, снесли в кучу все, что могло гореть, — потребуется, когда нужно будет поднимать пар. Привели в полный порядок паруса, отремонтировали баркас.

Судно стояло недалеко от полыньи, необходимо было во что бы то ни стало проложить к ней канал. И экипаж работал с огромным напряжением.

В середине июля все научные работы, кроме метеорологических наблюдений, члены экспедиции завершили. Записи исследований запаляли в цинковые ящики. Матросы вновь и вновь проверяли оборудование и снаряжение. Особенно пришлось потрудиться оставшимся без начальника членам машинной команды — кочегарам Коршунову и Кузнецову (механик Зандер умер зимой). Наконец и они доложили Сахарову: машина готова. 30 июля лед в бухте разределся, и «Фока» по каналам направился на юго-запад. Топливо таяло буквально на глазах. Членам экипажа пришлось охотиться на моржей, сало которых сжигали в топке. Однако и этого оказалось недостаточно: сжигали табуретки, книги, другое имущество.

2 августа при подходе к мысу Флора, где экипаж надеялся разобрать на топливо один из амбаров, моряки заметили на берегу двух размахивавших руками человек. Островитянами оказались члены экипажа «Св. Анны» — штурман В. И. Альбанов и матрос А. Э. Конрад, истощенные до крайности, еле державшиеся на ногах. Из их рассказа седовцы узнали, что отправлявшаяся в августе 1912 года в путь экспедиция Г. Л. Брусилова, чтобы пройти Северным морским путем в Тихий океан, была остановлена льдами у полуострова Ямал. «Св. Анна» вмерзла в

лед и дрейфовала сначала на север, затем на запад и на 82 — 83 градусах северной широты обошла с севера Землю Франца-Иосифа. На втором году дрейфа продукты и топливо на судне кончились. 23 апреля часть экипажа во главе со штурманом Альбановым оставила шхуну и в пеше-санном обозе двинулась к югу. Позже стало известно, что все оставшиеся на «Анне» погибли, исчез без следа и сам корабль.

На мысе Флора седовцы пробыли три дня. Здесь они разобрали амбар, все пригодное для топки перегрузили на судно. В маленький домик, являвшийся для брусиловцев временным пристанищем, принесли консервы, сухари, две винтовки, пятьсот штук патронов, палатку и другое имущество, могущее понадобиться кому-либо из полярных путешественников. В запаянных банках оставили две записки: в одной из них излагалась история экспедиции Седова, в другой — история экспедиции Брусилова. После всего этого «Фока» покинул бухту мыса Флора.

По чистой воде судно шло недолго, вскоре оно попало в полосу льда. Заканчивалось топливо. Жгли мебель, часть такелажа. Чтобы сохранить плавучесть, членам экипажа приходилось по семь-восемь часов вручную откачивать воду. Лишь во второй половине августа «Фока» под парусами вошел в маленькую гавань Рында в районе Мурманского побережья.

При подходе к Рынде на капитанский мостик в морской форме браво вступил Кушаков, «вспомнив», что теперь он начальник экспедиции. Как только он сошел на берег — сразу же направился на телеграф «доложить царю-батюшке о возвращении «Фоки». Ловко отредактированный текст депеши лишь вскользь касался судьбы Седова. Все заслуги в проведенных научных исследованиях Кушаков без зазрения совести приписал себе.

На отправленную в «Комитет» телеграмму с просьбой выслать деньги в Архангельск, экипаж получил такой ответ: «Денег нет, обходитесь своими средствами. Напоминаем, ваше жалование, согласно условию, за всю экспедицию выплачено полностью в первый же год. Входя в положение, за второй год «Комитет» выдал семейным пособия. Не производите расходов за счет «Комитета».

Офицерский состав экспедиции пересел на пароход и направился в Архангельск. Остальные члены команды добирались туда на шхуне «Фока»: только 6 сентября судно пришвартовалось у той же пристани, от которой начиналось плавание. Корабль имел ужасный вид — весь израненный в битве с арктической природой, предательством и подлостью.

Больные, а их оказалось большинство, попали в больницу,

другие члены экипажа в течение месяца продолжали жить на полуразрушенном судне. Только после телеграммы в Петроград команда, наконец, получила положенный ей денежный расчет...

А как поступили с материалами научных исследований экспедиции? «Комитет для снаряжения экспедиций к Северному полюсу» не выделил средств для их обработки. По настоянию того же «Комитета» была произведена распродажа имущества экспедиции. Намеревался «Комитет» продать за границу и научные материалы экспедиции. Этому воспротивились ученые...

Позже начальник научной части экспедиции В. Ю. Визе ставил вопрос о необходимости камеральной обработки материалов перед Главным гидрографическим управлением, но и здесь ему не оказали никакого содействия.

Всю большую работу по обработке собранного материала пришлось выполнять ученым экспедиции за свой счет. Ценные научные материалы экспедиции Г. Я. Седова увидели свет только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Наследники

Вначале XX века в царской России проводились лишь незначительные исследования в районе Арктики, да и они прекратились, как только разразилась первая мировая война.

Всестороннее изучение Арктики началось вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. 2 июля 1918 года В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров о снаряжении в Северный Ледовитый океан крупной гидрографической экспедиции.

Вслед за этим первым декретом по инициативе В. И. Ленина были приняты и другие декреты, в которых определялась многолетняя широкая программа изучения и освоения Арктики. Вдохновляемые и руководимые Коммунистической партией, Советским правительством, ученые Арктического, Морского плавучего институтов и других учреждений стали все шире развертывать работу по осуществлению этой программы.

Только за период с 1920 по 1945 год коллектив Арктического института организовал и осуществил более 300 экспедиций, Морским плавучим институтом на судне «Персей» проведено 90 экспедиций.

Организованные в 1921 году по прямому указанию Председателя СНК В. И. Ленина Карские экспортно-импортные экспедиции свидетельствовали о том, что Советское правительство придавало огромное значение арктическому судоходству для всестороннего развития Крайнего Севера.

Проводку судов Карских экспедиций из стран Запада к устьям рек Сибири обеспечивал на ледовой трассе мощный ледокол, который впоследствии был назван именем В. И. Ленина. Начальником первой этой экспедиции являлся Д. Т. Чертков, помощником — М. В. Николаев. В 1923 году грузы стали доставляться из Владивостока через Берингов пролив в устье Колымы. Эти рейсы открыл пароход «Ставрополь» под командой капитана П. Г. Миловзорова. С 1927 года перевозки уже осуществлялись до бухты Тикси (ленские рейсы).

Оставался неосвоенным средний, наиболее труднопроходимый участок северной морской трассы. В 1932 году ледокольный пароход «А. Сибиряков» (начальник экспедиции — О. Ю. Шмидт, капитан — В. И. Воронин) впервые в истории в течение одной навигации прошел из Архангельска до Берингова пролива — единая магистраль из Атлантического в Тихий океан замкнулась...

1932 году при Совете Народных Комиссаров СССР был

образован специальный орган — Главное управление Северного морского пути. Начальником Главсевморпути стал О. Ю. Шмидт.

С чувством глубокого уважения и признательности вспоминаем мы имена наследников дела Г. Я. Седова — первопроходцев северных морей, внесших большой вклад в освоение важной воднотранспортной магистрали, прежде всего Н. И. Евгенова, Р. Л. Самойловича, М. В. Николаева, В. Ф. Бурханова, О. Ю. Шмидта, В. Ю. Визе, В. И. Воронина, П. Г. Миловзорова, А. П. Бочека, М. Я. Сорокина... Их верными помощниками являлись летчики полярной авиации М. С. Бабушкин, Б. Г. Чухновский, И. И. Черевичный и многие другие.

В историю нашей страны вписаны яркие страницы о челюскинской эпопее (1933 — 1934), походе ледореза «Литке» (1934), переходе военных кораблей из Балтики в Тихий океан по Северному морскому пути (1936), а также о небывалом дрейфе корабля, носящего имя выдающегося полярного исследователя — Георгия Седова. В начале двадцатых годов экипаж этого корабля принимал участие в Карских экспедициях, в 1928 году плавал в высоких широтах к северу от 80 градусов северной широты. Тогда выяснялись пути миграции гренландского тюленя, проводились обследования берега острова Виктория и архипелага Земля Франца-Иосифа. В 1929 году экспедиция достигла острова Гукера, организовала в бухте Тихой самую северную в мире полярную станцию. В 1930 году в результате проведенных экспедицией работ в северной части Карского моря были открыты острова Визе, Воронина, Исаченко, Шмидта.

В октябре 1937 года вместе с судами «Садко» и «Малыгин» корабль «Седов» был зажат льдами вблизи острова Бельковского. Летом следующего года «Садко» и «Малыгин» из плена освободил экипаж знаменитого ледокола «Ермак». Поврежденного же «Седова» освободить ото льда не удалось, и он превратился в дрейфующую научно-исследовательскую базу. 812 дней продолжался этот беспрецедентный дрейф, во время которого производились большие научные исследования. Летом 1939 года к «Седову», находившемуся к тому времени в проливе между Шпицбергом и Гренландией, подошел ледокол «И. Сталин» и вывел его из ледовой ловушки.

Штурм Арктики продолжался. Летом 1937 года авиаотряд под командованием М. В. Водопьянова высадил на дрейфующей льдине в районе Северного полюса четверку отважных — И. Д. Папанина, Е. К. Федорова, П. П. Ширшова, Э. Т. Кренкеля. Там была организована научно-исследовательская станция «Северный полюс-1».

Узнав об этом, Александр Матвеевич Пустошный (он умер в

1943 г.), будучи тогда лоцманом Архангельского порта, сказал:

— Эх, Георгий Яковлевич!.. Рано ты жил. Плохое время выпало на твою долю. И только вот теперь сбылась твоя мечта: флаг Родины — на «вершине мира»...

Станция «СП-1» дрейфовала 274 дня, прошла 1350 миль, раскрыла много тайн океана.

С каждым годом все большее значение придавалось покорению полярных просторов. В решениях XVIII съезда ВКП(б), состоявшегося в начале 1939 года, в частности, говорилось: «Превратить к концу третьей пятилетки Северный морской путь в нормально действующую водную магистраль, обеспечившую планомерную связь с Дальним Востоком...»

Намеченную партией грандиозную программу тогда осуществить не удалось — разразилась вторая мировая война. Те, кто осваивал Север, влились в ряды вооруженных защитников Отчизны.

С самого начала войны западный участок Северного морского пути оказался в зоне военных действий. Фашисты всячески стремились препятствовать движению караванов советских кораблей. В жестоких сражениях с ними наши доблестные моряки совершали беспримерные подвиги. Назовем один из них. Экипаж ледокола «Сибиряков», не пощадив себя, спас от гибели караван из девяти транспортов и трех ледоколов.

По трассе Северного морского пути за годы Великой Отечественной войны прошло в два с половиной раза больше грузовых судов, чем за предыдущие пять лет. Наследники Г. Я. Седова внесли на Крайнем Севере весомый вклад в победу над фашизмом. В послевоенные годы значительно увеличились темпы, масштабы и объем научных исследований в Арктике. Помимо дальнейшего комплексного изучения ее материковой части, много внимания уделялось изучению природных условий Центрального арктического бассейна, оказывающих решающее влияние на ледовую обстановку трассы Северного морского пути. Все новые и новые дрейфующие станции вставляли на важную вахту. «СП-22» — двадцать вторая после «Северного полюса-1» работает и сегодня...

Ежегодно в Арктику уходят более двух десятков различных научных экспедиций. Постоянно растет и обновляется наш ледокольный флот: всему миру известен первый атомный ледокол «Ленин», недавно спущен на воду новый атомоход «Арктика». Советскими учеными ведутся обширные исследования и близ другого полюса — в Антарктиде.

Подвиги сына азовского рыбака Георгия Яковлевича Седова, настоящего патриота своей Отчизны, и поныне вдохновляют

советских людей на покорение суровой природы. Благодарные потомки, наследники дела и мечты Георгия Яковлевича, присвоили его имя:

бухте на острове Вайгач,
заливу и пику на западном побережье Северного острова
Новой Земли,
заливу на восточном его побережье,
мысу бухты Тихой на острове Гукера архипелага Земля
Франца-Иосифа,
проливу между островами Правды и Нансена,
бухте на острове Норд архипелага Норденшельда,
архипелагу небольших островов в Карском море.

Именем Седова в 1940 году назван и бывший хутор Кривая Коса, ныне поселок.

Ростовчане по праву гордятся тем, что в их городе жил, работал, учился Георгий Яковлевич Седов. Здесь его именем названы улица и мореходное училище, на нескольких зданиях установлены мемориальные доски с его именем.

Воспитанников Ростовского мореходного училища имени Г. Я. Седова по праву считают прямыми наследниками и продолжателями дела Георгия Яковлевича. Выпускникам же училища 20 — 30-х годов выпало счастье стать командирами рождавшегося советского флота, преодолеть немалые трудности, связанные со становлением флота. Имена многих из них вписаны в славную летопись Родины. Так, выпускник училища 1924 года М. П. Белоусов командовал ледоколом «И. Сталин», который в полярную зиму 1939/40 года вывел из тяжелых арктических льдов транспортно-ледокольное судно «Георгий Седов». За этот подвиг М. П. Белоусов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Еще один седовец — выпускник 1930 года — Н. А. Лунин был удостоен столь же высокого звания за выдающиеся ратные подвиги. Подводные лодки, которыми он командовал, сначала «Щ-421», а затем «К-21», уничтожили 21 вражеский корабль. Н. А. Лунин со своими подводниками торпедировал и фашистский линкор «Тирпиц» — уникальнейший случай в мировой практике!

Отважно сражались в годы войны седовцы: И. Д. Данилкин, А. П. Пивоварчук, А. С. Панюшкин, С. Л. Татаренко, А. Ф. Хренов, И. И. Чумаченко и многие, многие другие. Выпускники училища Е. А. Алисов, А. И. Лебедев, П. П. Саблин стали Героями Социалистического Труда. Этого же высокого звания заслужила и одна из первых советских капитанов-женщин Н. Н. Кисса.

Всего в стенах училища, отметившего в 1976 году столетний юбилей, прошли подготовку тысячи специалистов.

Сейчас здесь готовят техников-судоводителей, судомехаников, дноуглубителей. В десятой пятилетке училище будет готовить специалистов по автоматизированным системам управления на судах.

Ответственные и сложные задачи выполняют теперь наследники славы Г. Я. Седова. Они применяют самую современную морскую технику и оборудование.

Трое воспитанников Ростовского мореходного училища имени Г. Я. Седова первыми в мире осваивали атомный ледокол «Ленин». Это инженер-гидролог А. А. Смирнов, главный инженер-механик В. А. Мизгирев и старший электрик Е. Я. Горбунов. На новейшем атомоходе «Арктика» сейчас также работают седовцы.

Большая группа седовцев работает на научно-исследовательских судах Академии наук СССР «Космонавт Юрий Гагарин», «Космонавт Владимир Комаров», участвует в обеспечении космических полетов.

То, о чем даже не мог и мечтать одиночка-исследователь Арктики Георгий Яковлевич Седов, давно осуществлено в нашей стране под руководством ленинской Коммунистической партии. Там, за полярным кругом, выросли современные города и поселки. По всему побережью Ледовитого океана оборудованы полярные станции. По Северному морскому пути плавают комфортабельные корабли. В небе Арктики летают реактивные самолеты Аэрофлота. На Крайнем Севере Союза Советских Социалистических Республик, как и повсеместно в нашей стране, советские люди самоотверженно борются за претворение в жизнь великих предназначений Коммунистической партии Советского Союза.

Использованная литература

В. И. Ленин. ПСС, т. 18.

«Правда», 1976, 18 мая и 1977, 27 марта.

Визе В. Ю. Георгий Яковлевич Седов. — В кн.: Русские мореплаватели. М., Изд-во Министерства обороны СССР, 1953.

Пинегин Н. В. Георгий Седов. Изд-во Главсевморпути. 1953.

Селезнев С. А. Первая русская экспедиция к Северному полюсу. Северо-западное кн. изд-во, 1964.

В подготовке к изданию рукописи автору оказали помощь ветеран Ростовского мореходного училища имени Г. Я. Седова Гончаренко Д. Н. и заведующий музеем того же училища Мамаев Г. Д.

Борис Анатольевич Лыкошин — Георгий Седов

Редактор И. Г. Цветков

Художественный редактор В. М. Волков

Художник Д. И. Кобрин

Технический редактор Л. М. Криволапова

Корректоры Р. Ф. Мурзина, Н. Д. Боровинская

Литературная обработка А. Ансимова.